УДК: 351.853.1(410) DOI: 10.22394/2071–2367–2019–14–5–76–92

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕБРИТАНСКОЙ КУЛЬТУРООХРАННОЙ ПОЛИТИКИ В АНГЛИИ, ШОТЛАНДИИ, УЭЛЬСЕ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ

Тюрин Е. А., Пожидаев А.С.[1]

Аннотация. *Целью статьи* является рассмотрение различных аспектов взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций Соединенного Королевства в сфере охраны историко–культурного наследия. В статье обосновывается актуальность данной проблематики, раскрываются соответствующие методологические подходы и понятийно–категориальный аппарат.

Авторы анализируют динамику европейских концептов теории и практики охраны историко–культурного наследия; раскрывают общебританские тенденции и региональные особенности Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии в означенной сфере. Отдельное внимание в статье уделено анализу особенностей политико–административного и нормативно–правового механизмов разделения полномочий в рамках государственно–общественного взаимодействия. При этом акцент сделан на трастовых формах управления, на финансировании культурной сферы за счёт средств Национальной лотереи, а также на практике волонтёрской деятельности в Англии, Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии.

Особое внимание авторы уделяют возможностям адаптации и внедрения британского опыта охраны историко–культурного наследия в российских условиях.

Ключевые слова: политика, государство, общественные организации, культурное наследие, национальная идентичность, Великобритания.

Тюрин Евгений Анатольевич – кандидат политических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал, доцент кафедры политологии и государственной политики, адрес: 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, д. 5а, e–mail: turin.of.foveran@yandex.ru

Пожидаев Александр Сергеевич – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал, аспирант кафедры политологии и государственной политики, адрес: 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, д. 5а, e–mail: alexandrpojidaev@yandex.ru

PECULIARITIES OF IMPLEMENTATION OF THE BRITISH CULTURAL PROTECTION POLICY IN ENGLAND, SCOTLAND, WALES AND NORTHERN IRELAND

TYURIN E. A. – Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e–mail: turin.of.foveran@yandex.ru

POZHIDAEV A. S. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – a branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e–mail: alexandrpojidaev@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider various aspects of the interaction of public authorities and public organizations of the United Kingdom in the protection of historical and cultural heritage. The article substantiates the relevance of this issue, reveals the relevant methodological approaches and the conceptual categorical apparatus. The authors analyze the dynamics of European concepts of the theory and practice of the protection of historical and cultural heritage; reveal the common British trends and regional characteristics of England, Scotland, Wales and Northern Ireland in this area. Special attention is paid to the analysis of the features of the political and administrative and regulatory mechanisms of separation of powers in the framework of state-public interaction. The emphasis is on trust forms of management, on financing the cultural sphere at the expense of the National Lottery, as well as on the practice of volunteering in England, Scotland, Wales and Northern Ireland. The authors pay special attention to the possibilities of adaptation and implementation of the British experience in the protection of historical and cultural heritage in Russian conditions.

***Keywords*:** politics, state, public organizations, cultural heritage, national identity, Great Britain.

Каждое современное государство имеет собственный уникальный опыт реализации политики в самых разных сферах общественной жизнедеятельности, в том числе в области формирования, функционирования и совершенствования системы охраны объектов историко–культурного наследия. Так, например, в Российской Федерации уже давно ведутся дискуссии о назревшей потребности в изменении административной, политической, экономической и правовой моделей практического воплощения управленческих решений в названной сфере. Впрочем,

научное осмысление зарубежного опыта государственной политики в сфере охраны историко–культурного наследия также продолжает оставаться весьма актуальным вопросом с точки зрения трансляции некоторых позитивных аспектов, а также для выявления потенциальных рисков нововведений в условиях российской действительности. Поэтому вопросы, связанные с национальным и государственным самоопределением, в начале третьего тысячелетия являются важным направлением современной политической науки[1].

В связи со сказанным позволим себе выразить мысль о том, что 2018 г. не случайно прошёл именно как Год культурного наследия в Европе, важнейшей целью которого стала популяризация среди населения идеи об исключительной важности объектов историко–культурного наследия[2]. Следует отметить, что особое внимание в ходе мероприятий, проводившихся в рамках Года культурного наследия, заострялось на разного рода аспектах, касающихся духовно–исторической ценности и цивилизационного разнообразия памятников, а также их социально–политической роли в процессе формирования имиджа европейских наций и общеевропейской идентичности.

Не теряет своей актуальности дискуссионный вопрос о характере и сущности каждого конкретного объекта историко–культурного наследия. На этом фоне современными учёными ведётся активное обсуждение двух основополагающих подходов, один из которых говорит о естественной ценности объектов наследия (эссенциалисты), а другой – о ценности ассоциаций, возникающих по поводу того или иного историко–культурного памятника (популисты)[3].

При этом отношение современников к объектам прошлого также амбивалентно: одна часть общества выступает в роли носителя тенденции стирания коллективной памяти и культурных различий ввиду активной глобализации, происходящей во всемирном масштабе, а другая выказывает диаметрально противоположный интерес к прошлому, который часто порождает так называемую «индустрию наследия». Данный термин, обозначающий область коммерческой деятельности, одним из первых применил британский искусствовед Р. Хьюисон[4].

---

[1] Белоконев С.Ю., Титов В.В. Национально–государственная и религиозная идентичность: паттерны взаимодействия в современном мире // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – №2. – С. 144–155.

[2] 2018 год объявлен Годом культурного наследия в Европе. Официальный сайт Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры. – URL: http://auipik.ru/2018–god–obyavlen–godom–kulturnogo–naslediya–v–evrope/ (дата обращения: 11.09.2019).

[3] Козел К. Идеология охраны памятников истории: критический анализ структуры дискурса современной политики исторического наследия // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2017. – №4 (114). – С. 172–187.

[4] См.: Hewison R. The Heritage Industry. Britain in a Climate of Decline. – London, Methuen Paperback, 1987. – 160 p.

Впрочем, основной парадокс историко–культурного наследия заключается не в амбивалентности означенных выше общественных взглядов на наследие, а в противоречии между высокой значимостью охраны последнего и дефицитом выделяемых на эту охрану финансов. Так, например, британский экономист А. Пикок в одной из своих работ интерпретировал этот феномен в терминах экономической теории, согласно которой общественная заинтересованность в охране объектов, имеющих определенную ценность, порождает спрос на государственную деятельность в данном направлении[1].

В любом случае современная наука всё чаще рассматривает историко–культурное наследие с позиции двух подходов: с одной стороны – как культурные ценности, а с другой – как культурные ресурсы. Сторонники первого придерживаются точки зрения, согласно которой человечеству следует быть пассивными межпоколенческими посредниками, обязанными в максимально возможной мере сохранять памятники старины и передавать их последующим поколениям. В свою очередь приверженцы другого подхода говорят об активном триедином использовании объектов историко–культурного наследия: культурном (для их хранения, изучения и демонстрации), экономическом (для получения прибыли путём монетизации туристического потока) и политическом (для получения и поддержания стабильности власти, обеспечения её легитимности и преемственности идеологии). Последнее дополнительно подтверждается выводом немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса о существовании так называемого «концепта политической легитимации», согласно которому держатели власти, в лице правительств или отдельных индивидов, склонны к доказательству и удержанию своей политической власти, опираясь на отдельные элементы прошлого[2].

Важно отметить тонкую грань между понятиями «памятник» и «наследие»: первое больше указывает на минувшие эпохи, а второе именно выражает преемственность и связь с прошлым. Именно в результате данного осмысления «наследие» всё чаще упоминается в научных трудах и политических программах европейских государств. При этом разница отношения к данной категории заметна на лингвистическом уровне, в связи с чем американский историк и географ Д. Лоуэнталь подчёркивал, что французское «patrimoine» больше относится к сфере личного, чем английское «heritage», а в свою очередь немецкое «erbgut» патриотичнее итальянского «lascito»[3]. Поэтому историческую память следует рассматривать как мощный фактор формирования национальной идентичности.

---

[1] Peacock A. Preserving the Past: An International Economic Dilemma // Journal of Cultural Economics. – 1978. – Vol. 2. – №2. – P. 1–11.

[2] Habermas J. The European Nation–State: its Achievements and its Limits / Mapping the Nation (ed. by Balakrishnan G., Anderson B.). – London: Verso, 1996. – 329 p. – P. 281–294.

[3] Lowenthal D. The Heritage Crusade and the Spoils of History. – Cambridge University Press, 1998. –P.4.

Таким образом, историко–культурное наследие в современном мире трансформировалось в инструмент международной эстетической, политической и социальной коммуникации, что заметно не только на уровне программ и проектов, но и в более широком спектре международных контактов.

Анализ современного европейского опыта позволяет выявить наличие своеобразной амбивалентности двух противоположных тенденций: одна проявляется в очевидном расширении глобализации, другая – в углубляющемся регионализме и, соответственно, в локальном самоопределении, что позволяет говорить о «глокальности» европейской модели культурного развития. Понятие «глокальность» в западной научной мысли появилось благодаря трудам шотландских исследователей Р. Робертсона и К. Уайта, которые достаточно подробно и обоснованно его раскрывают[1].

Относительно недавние события, ставшие отголоском крушения биполярного мира и связанные с появлением независимых государств в Центральной и Восточной Европе. К этому добавились попытки крупных этнокультурных регионов ряда старейших стран Западной Европы (например, в Шотландии, Каталонии, Венето и др.) расширить свою региональную автономию, вплоть до отделения и обретения суверенитета.

Все эти процессы, естественно, не могут не вызывать тревоги у политиков и исследовательского интереса у учёных. Поэтому современные попытки формирования общеевропейской идентичности привели научный дискурс к поиску консолидирующих базисов, в число которых входят элементы прошлого, аккумулирующие ценности европейского пространства. При этом предпочтение отдаётся традициям, коллективной памяти народа и объектам историко–культурного наследия. Другим основанием идентичности (в том числе европейской) являются «места общей памяти», например, поля исторических битв, интерес к которым получил широкое распространение в Европе.

Государства, которые претендуют на крепкие позиции в международных отношениях, уделяют особое внимание вопросам сохранения общенациональных ценностей [2]. В общеевропейском ряду выделяется страна, которую не безосновательно можно назвать «королевством историко–культурного наследия», – это Великобритания. Если говорить об объектах культурного наследия мирового значения в названной стране, то, несмотря на колоссальную разницу в территории по сравнению с Россией, в Соединённом Королевстве их находится больше (32 – в Великобритании и 29 – в РФ), из которых 18 располагаются на территории Англии,

[1] См.: Robertson R., White K. Globalization. Critical Concepts in Sociology. – London, Routledge, 2003. – 497 p.

[2] Тюрин Е.А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // Власть. – 2017. – №8. – С. 178–182.

5 – в Шотландии, 3 – в Уэльсе, 1 – в Северной Ирландии, 1 разделён между Англией и Шотландией, а 4 представляют собой морские территории[1].

Следует подчеркнуть, что именно эта страна в XVIII–XIX вв. возглавила промышленную революцию в Европе, полностью трансформировавшую европейское общество, которое всё чаще стало задумываться о причинах утраты старинных объектов и решении проблем охраны историко–культурного наследия[2].

Концептуальное осмысление историко–культурного наследия Великобритании имеет ярко выраженные консервативные характеристики[3]. Консерватизм появился на политической арене как защитник уходящего и как ярый противник капитализма. Как отметил английский философ А. Квинтон, «история консерватизма – это, по существу, история повторения одного и того же свода идей, выраженных в исторически адекватных терминах»[4]. В 1970–х гг. произошло переосмысление традиционного консерватизма, вызванное интенсификацией мировых модернизационных процессов, особенно в социально–экономической сфере. В 1978 г. появилась исследовательская группа политологов и философов – «солсберианцев», названная в честь маркиза Солсбери, лидера Консервативной партии в 1881–1902 гг., основной идеей которой стало формирование «твёрдой теоретической основы консерватизма»[5]. И такая основа была найдена – появился так называемый «культурный консерватизм».

Согласно убеждениям культурных консерваторов, государство является высшим выражением общей культуры и определяющим элементом системы разработки и реализации культурной политики[6].Они считали, что лишь стабильное государство с эффективной правовой системой и развитыми политическими институтами может обеспечить социокультурную целостность населения[7]. Было сформулировано понятие «высшей культуры», объединяющей все нормы,

---

[1] World Heritage List Statistics. Официальный сайт ЮНЕСКО. – URL: http://whc.unesco.org/en/list/stat#d1 (дата обращения: 08.09.2019).

[2] Литвинова О.Г. Зарубежный и отечественный опыт сохранения историко–культурного наследия в конце XX – начале XXI века // Вестник Томского государственного архитектурно–строительного университета. – 2010. – №4. – С. 46–62.

[3] Давлиев И.Г., Валеев Р.М. Система сохранения объектов культурного наследия в Англии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – №2–1. – С. 32–36.

[4] Quinton A. The Politics of Imperfection: the Religious and Secular Traditions of Conservative Thought in England from Hooker to Oakeshott. – London, 1978. – 105 p. – P. 16–17.

[5] Алексеева Т.А. Современные политические теории. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 479 с. – С. 223.

[6] William J., Paul J., Haireand V. The Cultural Conservatives. – URL: http://www.heritage.org/research/lecture/the–cultural–conservatives (дата обращения: 08.08.19).

[7] Scruton R. Identity, family, marriage: our core conservative values have been betrayed // The Guardian. – 2013. – URL: http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/may/11/identity–family–marriage–conservative–values–betrayed (дата обращения: 13.09.19).

ценности, традиции, которым общество должно следовать[1]. А для утверждения «высшей культуры» в обществе необходима легитимность власти. Таким образом, по их мнению, реализация эффективной культурной политики может быть полезна всем заинтересованным сторонам: население чувствует причастность к государству, а государство использует культурную политику в качестве инструмента легитимации власти. Подобный подход предопределил и соответствующее отношение к историко–культурному наследию, требующему охранительных мер в рамках общей культурной политики.

Большой вклад в развитие концепции историко–культурного наследия в Соединенном Королевстве сделали исследователи исторических городов, так как восприятие этих пространственных объектов ограничивалось отдельными архитектурными сооружениями. И только благодаря искусствоведу Дж. Рескину и художнику У. Моррису исторический город стал восприниматься как памятник прошлого[2]. Английский специалист по менеджменту наследия Г. Мунро, рассуждая о неоспоримом значении выдающихся творений зодчества мирового значения, отмечал, что на местном уровне объекты исторического городского ландшафта играют основную роль в формировании гражданской гордости через восприятие уникальности места [3] . Отчасти поэтому охрана старинных объектов воспринимается британцами как должное, вне зависимости от их историко–культурной ценности.

Политика британского государства, а также участие общества в сфере охраны историко–культурного наследия имеют давнюю традицию. Административно–правовое формирование основ памятникоохранительной деятельности в Соединенном Королевстве пришлось на вторую половину XIX столетия: в 1882 г. был принят первый специальный закон о памятниках старины, а в 1877 г. появилась первая организация по охране и восстановлению архитектурного наследия – Общество охраны старинных зданий (The Society for the Protection of Ancient Buildings)[4]. В середине XX в. в стране был принят целый ряд законов, регламентирующих частные аспекты сферы охраны объектов историко–культурного наследия: например, о Национальном трасте (1907, 1919, 1937, 1939 и 1953 гг.), о памятниках старины (1913, 1931 гг.), об исторических зданиях и памятниках старины (1953 г.), о пустующих культовых сооружениях (1969 г.). Однако основные положения, регулирующие данную сферу, зафиксированы в законе о правах местных органов управления в отношении исторических

[1] Scruton R. The great swindle. // Aeon. – URL: http://aeon.co/magazine/world–views/roger–scruton–fake–culture/ (дата обращения: 16.09.19).

[2] Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. – Вильнюс: ЕГУ, 2010. – 298 с. – 134 с.

[3] Munro G. Sense of Place in Towns: Historic Buildings as Cultural Icons / Sharing the Earth: Local Identity in Global Culture (ed. by Fladmark J.M.). – London: Donhead, 1995. – 381 p. – P. 327.

[4] Законы об охране исторических памятников в Европе и США. Справка. Сетевое издание «РИА Новости». – URL: https://ria.ru/20081006/151891207.html (дата обращения: 13.09.2019).

зданий (1962 г.), о пустующих церквях и иных культовых сооружениях (1969 г.), о планировании городского и сельского строительства (1971, 1972 и 1974 гг.), о памятниках на полях сражений (1972 г.), о памятниках старины и археологических зонах (1979 г.), о национальном наследии (1980, 1983 и 1985 гг.). На их основе разработаны правительственные и ведомственные подзаконные нормативно–правовые акты, резолюции научно–экспертных органов и общественных организаций. Интересно, что развитие соответствующей отрасли британского законодательства было в значительной мере обусловлено интенсивным подъёмом общественной активности населения, которое стало активно выступать за бережное отношение к национальному историко–культурному наследию.

Формирование государственной политики Великобритании в изучаемой сфере продолжилось после подписания Гранадской конвенции об охране архитектурного наследия Европы (1985 г.) и Европейской конвенции об охране археологического наследия (1992 г.)[1]. Тем не менее в Соединённом Королевстве, к сожалению, до сих пор отсутствует единый закон об охране и использовании объектов историко–культурного наследия.

В системе законодательной власти ответственность за охрану объектов историко–культурного наследия закреплена за Государственным секретарем по национальному наследию и окружающей среде (Secretary of State for National Heritage and for the Environment), в исполнительной – за Департаментом национального наследия (Department of National Heritage). В Законе о памятниках старины и археологических зонах зафиксировано, что памятниками старины считаются объекты, включённые в соответствующие реестры, и те, которые, по представлению Государственного секретаря, имеют высокую общественную значимость из–за их исторической, архитектурной, традиционной, художественной или археологической ценности[2]. При этом территория памятника включает не только собственно земельный участок, где тот располагается, но и прилегающие земли, необходимые для его содержания.

Обязательному государственному учёту подлежат: все здания, которые были возведены до 1700 г. и сохранили первоначальный вид; большая часть зданий, построенных в 1700–1840 гг. (так называемый «георгианский период британской архитектуры»); более молодые строения периода 1840–1900 гг. («Викторианская эпоха»). При этом одним из важных условий включения объекта в перечень

[1] Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (ETS №121) // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1991. – №4. – Ст. 7; Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS №143) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – №16. – Ст. 1812.

[2] Домрин А.Н. Охрана памятников истории и культуры в Великобритании // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; Ин–т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М., 2005. – 176 с. – С. 26–42.

охраняемых является характер прилегающей к нему территории: сооружение должно представлять собой не изолированный элемент, но быть неотъемлемой частью сложившегося ландшафта и той исторически обстановки, с которой оно связано. Все мероприятия по выявлению, охране и эксплуатации объектов историко–культурного наследия проводятся только после получения соответствующих консультаций от научных организаций, состав которых определяется Государственным секретарём[1].

Объекты, представляющие историко–культурную ценность, делятся на два типа: недвижимость (listed buildings) и памятники (scheduled monuments). Принципиальное отличие состоит в потенциале повседневного использования. Так, к первой группе относятся объекты, эксплуатируемые в личных или коммерческих целях, а также пригодные для адаптации. Ко второй относятся те, которые невозможно регулярно использовать (археологические места, руины и фрагменты древних сооружений, доисторические стоянки человека, наскальные изображения, древние захоронения и другие)[2]. На основании другого подхода недвижимые объекты историко–культурного наследия делятся на представляющие исключительный интерес (exceptional interest); более чем особый интерес (more than special interest); особый интерес (special interest)[3].

Говоря о роли общества в реализации политики охраны историко–культурного наследия, следует подчеркнуть тот факт, что на сегодняшний день человечество в большинстве своём осознало важность и потенциальные возможности гражданских инициатив в сфере охраны историко–культурного наследия. Несомненно, социально–политическая стабильность, прогресс и устойчивое развитие находятся в прямой зависимости от форм взаимодействия государства и гражданского общества[4]. Поэтому повышение активности последнего, а также тесное эффективное его взаимодействие с органами государственной власти в обозначенной сфере стало современной мировой тенденцией. В Великобритании особая роль в сфере охраны историко–культурного наследия принадлежит общественным механизмам управления недвижимостью. К ним относятся трасты и фонды, в задачи которых входит финансовая и консалтинговая поддержка

[1] Боргоякова Т.В. Российский и зарубежный опыт сохранения историко–культурного наследия // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. Серия: Основные проблемы социального развития России. – 2009. –№5 (372). – С. 56–75.

[2] Актуальные проблемы экономики культурного наследия / Под ред. А.Я. Рубинштейна – М.: Государственный институт искусствознания. – 2016. – 108 с. – С. 7.

[3] См.: Benhamou F. Public intervention for cultural heritage: normative issues and tools / Handbook on the Economics of Cultural Heritage (ed. by Rizzo I. and Mignosa A.). – UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2013. – 640 p. – P. 10.

[4] Пожидаев А.С. Охрана объектов историко–культурного наследия: механизмы и формы взаимодействия // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – №2(25). – С. 43–46.

владельцев памятников национального значения. Подобное разделение на «административные» и «научные» структуры существует в Англии, Шотландии и Уэльсе.

Важно отметить разницу между «трастом» и «фондом». Так, траст – это правоотношения, история возникновения которых восходит ко временам Крестовых походов. Учредитель передаёт свои активы профессиональному управляющему, который распоряжается ими исключительно в интересах бенефициаров или для особо установленной цели. В свою очередь под фондом понимается юридическое лицо, которому передаются имущественные ценности учредителя[1].

С конца XIX века стала активно развиваться трастовая форма управления объектами историко–культурного наследия, что было обусловлено экономической несостоятельностью владельцев недвижимости, которые не могли осуществлять необходимое финансовое содержание исторических объектов. Сегодня роль трастов в рассматриваемой сфере значительно возросла. В Великобритании около одной трети проектов по охране историко–культурного наследия реализуется при финансовой, экспертной и консультационной поддержке траста «Английское наследие» (English Heritage) [2] . Гражданский траст (Civic Trust) осуществляет разработку стандартов планирования, реконструкции и ограничения городской застройки. Совместно с Советом по управлению (Council of Management), Гражданский Траст администрирует работу Фонда архитектурного наследия (Architectural Heritage Fund) – источника кредитования британских строительных фондов. Траст «Здания под угрозой» (Buildings at Risk Trust), Общество «Спасти британское наследие» (SAVE Britain`s Heritage) и Траст «Ориентир» (Landmark Trust) осуществляют активную работу по привлечению финансовых ресурсов на реставрацию памятников, находящихся в наибольшей опасности. Историческая жилищная ассоциация (Historic Housing Association) на правительственном уровне защищает интересы владельцев исторических зданий, проживающих в своих фамильных имениях, переданных в трастовое управление. Кроме указанных существует широкий массив других общественных организаций с различной формой собственности, специализирующихся на конкретном периоде исторического развития или конкретном виде наследия Великобритании.

Крупнейшей негосударственной некоммерческой организацией в стране является Национальный траст (The National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty, или National Trust), возникший в 1895 г. по инициативе знаменитых

[1] Мартиросян А. Наследственный фонд или российский траст? // Адвокатская газета. – 2018. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/nasledstvennyy–fond–ili–rossiyskiy–trast/ (дата обращения: 30.08.2019).

[2] Актуальные проблемы экономики культурного наследия / Под ред. А.Я. Рубинштейна.– М.: Государственный институт искусствознания, 2016. – 108 с. – С. 37–38.

филантропов Викторианской эпохи (О. Хилл, Р. Хантера и К. Ронсли) для охраны «берегов, сельской местности и зданий Англии, Уэльса и Северной Ирландии»[1]. Отметим, что на территории Шотландии аналогичную деятельность осуществляет Национальный траст Шотландии по достопримечательным местам или природной красоты, или Национальный траст Шотландии (The National Trust for Scotland for Places of Historic Interestor Natural Beauty, или National Trust for Scotland), в управлении которого в настоящее время находятся 88 объектов недвижимости, более 300 000 древних артефактов и около 76 тыс. га садов и сельской местности[2].

В первые годы деятельности Национального траста объекты переходили к нему согласно завещаниям владельцев. Однако сегодня каждый собственник (в том числе государство) может передать, подарить, продать или доверить организации своё имущество, представляющее историко–культурную ценность и обладающее потенциальной коммерческой прибыльностью, заключение о которых выносится по итогу соответствующей экспертизы. Траст обязуется сохранять и реставрировать принятые объекты, после чего последние интегрируются в педагогическую и досуговую инфраструктуру, а также в туристическую индустрию Великобритании[3].

При этом продажа трастового имущества допустима исключительно с дозволения Вестминстера, что предполагает наличие устанавливаемого контроля над перемещением ценного имущества и исключает появление случайных покупателей.

Также передача организации личных поместий гарантирует владельцам право бессрочного проживания в них, а земельных угодий – содействие историческим формам хозяйствования. Эта специфика обусловлена особенностями политико–правовой системы и высокой ролью лендлордов в структуре британского социума.

Во главе Национального траста находится Совет, состав которого насчитывает 52 члена: одну половину составляют представители организаций–партнёров, а другая избирается членами траста на три года. Предусмотрено индивидуальное и корпоративное членство, однако исключительно для граждан Великобритании и лиц, проживающих внутри государственной границы. Далее в иерархии управления следуют комитеты по финансам, по собственности и региональные комитеты, организованные Советом.

---

[1] About the National Trust. Official page of the National Trust. – URL: https://www.nationaltrust.org.uk/features/about–the–national–trust (дата обращения: 14.09.2019).

[2] Our work. Official page of the National Trust for Scotland. – URL: https://www.nts.org.uk/our–work (дата обращения: 14.09.2019).

[3] Актуальные проблемы экономики культурного наследия / Под ред. А.Я. Рубинштейна – М.: Государственный институт искусствознания. – 2016. – 108 с. – С. 86–87.

Популярность Национального траста в Великобритании чрезвычайно высока – по состоянию на 28 февраля 2019 г. в организации было зарегистрировано 5.597.985 постоянных членов. Этот статус предоставляет возможность льготного посещения многочисленных объектов, находящихся в управлении (бесплатно или за символическую сумму).

Опыт деятельности Национального траста способствовал активному распространению трастового управления по всему миру: подобная форма администрирования транслировалась в другие страны, традиционно связанные с Великобританией: Ирландию, Шотландию, Австралию, Новую Зеландию, США и многие другие[1].

Исследуя особенности реализации политики охраны историко–культурного наследия в Соединенном Королевстве, необходимо иметь в виду тот факт, что общебританские подходы к охране историко–культурного наследия имеют значительную региональную специфику, зафиксированную в системах нормативно–правовых актов Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. При этом наибольшие различия в отношении охраняемых объектов и территорий сложились между Англией и Шотландией, для Уэльса же большее значение имеет акцент на сохранение особенностей нематериальной культуры (лингвистических, литературных, музыкальных и других).

В Великобритании, как и в Российской Федерации, имеется сформированный перечень национального наследия страны, куда входят не только материальные объекты, но и исторические и природные места, представляющие историко–культурную ценность для всей страны[2]. Речь идёт о «землях выдающейся природной красоты» (lands of exceptional natural beauty) в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии, а также «территориях национального пейзажа» (national scenic areas) и региональных парках в Шотландии, которые по состоянию на 2018 г. занимают 21% площади региона[3]. На уровне графств охрана историко–культурного наследия делегирована локальным органам власти, что прямо отражается на количестве финансовых поступлений, основными источниками которых становятся общественные организации и местные бюджеты. При этом регионы могут претендовать на государственные гранты (например, в рамках программы Conservation Area Partnership)[4]. Территориальные органы власти могут

[1] About Our Members. Official page of the International National Trusts Organisation. – URL: https://intoorg.org/into–members (дата обращения: 13.09.2019).

[2] National Heritage List for England (NHLE). Official page of the Historic England. – URL: https://historicengland.org.uk/listing/the–list/ (дата обращения: 28.08.19).

[3] Scotland's Historic Environment Audit: Summary Infographic 2018. Official page of the Historic Environment Scotland (HES). – URL: https://www.historicenvironment.scot/archives–and–research/publications/publication/?publicationId=7821f0c5–cf3f–4ecc–87e4–a9a601032e54 (дата обращения: 17.09.19).

[4] Давлиев И.Г., Валеев Р.М. Система сохранения объектов культурного наследия в Англии //

брать под охрану объекты историко–культурного наследия по своему усмотрению, независимо от наличия последних в государственных реестрах, а также проводить реставрацию и выносить рекомендации по передаче частных объектов недвижимости в трастовое управление. Приобрела широкое распространение практика формирования автономных благотворительных фондов для содержания конкретных сооружений, представляющих историко–культурный интерес.

В Великобритании, как и ещё в 25 европейских странах, часть взносов, полученных от реализации населению билетов государственных лотерей, направляется на финансирование политики в сфере охраны историко–культурного наследия на национальном, региональном и локальном уровнях[1]. Реализация целого ряда программ по активизации и развитию благотворительной деятельности, а также включению населения в систему финансирования охраны историко–культурного наследия привела к практике регулярной организации и проведения Национальной лотереи Соединённого Королевства. Истоки появления этого финансового института поддержки сферы охраны историко–культурного наследия уходят глубоко в XVI в.: в 1569 г. Елизаветой I была организована первая Национальная лотерея, на доходы от которой оказались восстановлены Пять Портов (Cinque Ports) – прибрежные города в графствах Кент, Сассекс и Эссекс (Англия), получившие серьёзный ущерб от шторма. Практика проведения лотерей для обеспечения реализации конкретных проектов (в числе которых – Вестминстерский мост и Британский музей) сохранялась вплоть до 1826 г. Тогда была проведена последняя лотерея, так как широкое распространение получили факты коррупционной и мошеннической деятельности, а у участников развивалась игровая зависимость. Лишь почти два столетия спустя, в 1992 г., проведение Национальной лотереи было возрождено[2]. Часть дохода от вырученных с продажи билетов средств регулярно направляется в Фонд наследия (The Heritage Lottery Fund), состав Совета управления которым утверждается премьер–министром Великобритании, а уже из этого финансы распределяются на реализацию проектов в сфере охраны историко–культурного наследия Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии пропорционально численности населения[3].

В рамках рассматриваемой проблематики невозможно обойти вопрос о роли волонтёрской деятельности в охране историко–культурного наследия. В этой связи отметим, что накопленный западными государствами опыт волонтёрского

Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – №2–1. –С. 32–36.

[1] Музычук В.Ю. Национальные лотереи как дополнительный источник финансирования культуры // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2013. – №7. – С. 33–41.

[2] Литвинова О.Г. Зарубежный и отечественный опыт сохранения историко–культурного наследия в конце XX – начале XXI века // Вестник Томского государственного архитектурно–строительного университета. – 2010. – №4. – С.46–62.

[3] Палий К.Р. Реализация политики в области сохранения материальных объектов культурного наследия: европейский опыт // Управленческое консультирование. – 2018. – №12. – С. 142–153.

движения в сфере охраны национального историко–культурного наследия весьма массивен и разнообразен. Добровольческие организации и активисты в европейских странах воспринимаются как полноправные участники трудоёмкого охранительного процесса. Органы государственной власти и представители гражданского общества осознают высокую значимость старинных объектов, поэтому для стимулирования и поощрения добровольцев используются, как правило, нематериальные инструменты одновременно с предоставлением благоприятных экономических условий (например, частичной или полной компенсации расходов на трансфер, проживание и другое)[1].

Таким образом, опыт Соединённого Королевства в сфере сохранения историко–культурного наследия справедливо считать наиболее уникальным и успешным среди стран Западной Европы, так как организационная модель управления в данной области сегодня является одной из образцовых для других государств в мировой практике. Несмотря на порой принципиальную разницу в подходах к проблеме и методам охраны историко–культурного наследия на территории Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, суть политики охраны объектов историко–культурного наследия Соединённого Королевства заключается в сохранении старинных сооружений и имущества для будущих поколений через активное использование в настоящем. Подробного изучения заслуживает и система критериев выделения и учёта объектов историко–культурного наследия. Особое внимание обращает на себя выдающаяся роль неправительственных организаций и органов местного управления в решении вопросов охраны и использования памятников национального и мирового историко–культурного наследия, что было бы целесообразно использовать в российском законодательстве. Кроме того, большого интереса заслуживает изучение британской практики финансирования сферы охраны историко–культурного наследия в рамках проведения Национальной лотереи.

Таким образом, не только российское научное сообщество, но и отечественные управленцы–практики, а также представители самых широких кругов нашего гражданского сообщества должны быть заинтересованы в глубоком анализе зарубежного (в том числе британского) опыта охраны историко–культурного наследия с целью выявления наиболее эффективных и приемлемых в плане адаптации к российским реалиям механизмов реализации соответствующей государственной политики.

Библиография/ References:

1. Актуальные проблемы экономики культурного наследия / Под ред. А.Я. Рубинштейна. – М.: Государственный институт искусствознания. – 2016. – 108 с.

[1] Актуальные проблемы экономики культурного наследия / Под ред. А.Я. Рубинштейна – М.: Государственный институт искусствознания, 2016. – 108 с. – С. 37–38.

2. Алексеева Т.А. Современные политические теории. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 479 с.

3. Белоконев С.Ю., Титов В.В. Национально–государственная и религиозная идентичность: паттерны взаимодействия в современном мире // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 144–155.

4. Боргоякова Т.В. Российский и зарубежный опыт сохранения историко–культурного наследия // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. Серия: Основные проблемы социального развития России. – 2009. – № 5(372). – С. 56–75.

5. Давлиев И.Г., Валеев Р.М. Система сохранения объектов культурного наследия в Англии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 2–1. – С. 32–36.

6. Козел К. Идеология охраны памятников истории: критический анализ структуры дискурса современной политики исторического наследия // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2017. – №4 (114). – С. 172–187.

7. Литвинова О.Г. Зарубежный и отечественный опыт сохранения историко–культурного наследия в конце XX – начале XXI века // Вестник Томского государственного архитектурно–строительного университета. – 2010. – №4. – С. 46–62.

8. Музычук В.Ю. Национальные лотереи как дополнительный источник финансирования культуры // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2013. – № 7. – С. 33–41.

9. Палий К.Р. Реализация политики в области сохранения материальных объектов культурного наследия: европейский опыт // Управленческое консультирование. – 2018. – № 12. – С. 142–153.

10.Пожидаев А.С. Охрана объектов историко–культурного наследия: механизмы и формы взаимодействия // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – № 2. – С. 43–46.

11.Тюрин Е.А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // Власть. – 2017. – № 8. – С. 178–182.

12.Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. – Вильнюс: ЕГУ, 2010. – 298 с.

13.Benhamou F. Public intervention for cultural heritage: normative issues and tools / Handbook on the Economics of Cultural Heritage (ed. by Rizzo I. and Mignosa A.). – UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2013. – 640 p.

14.Habermas J. The European Nation–State: its Achievements and its Limits / Mapping the Nation (ed. by Balakrishnan G., Anderson B.). – London: Verso, 1996. – 329 p.

15.Hewison R. The Heritage Industry. Britain in a Climate of Decline. – London, Methuen Paperback, 1987. – 160 p.

16.Lowenthal D. The Heritage Crusade and the Spoils of History. – Cambridge University Press, 1998. – 338 p.

17.Munro G. Sense of Place in Towns: Historic Buildings as Cultural Icons / Sharing the Earth: Local Identity in Global Culture (ed. by Fladmark J.M.). – London: Donhead, 1995. – 381 p.

18.Peacock A. Preserving the Past: An International Economic Dilemma // Journal of Cultural Economics. – 1978. – Vol. 2. – №2. – P. 1–11.

19.Quinton A. The Politics of Imperfection: the Religious and Secular Traditions of Conservative Thought in England from Hooker to Oakeshott. – London, 1978. – 105 p.

20.Robertson R., White K. Globalization. Critical Concepts in Sociology. – London, Routledge, 2003. – 497 p.

1. Aktual'nye problemy ekonomiki kul'turnogo naslediia [Actual problems of the cultural heritage economy] / Pod red. A.Ia. Rubinshteina – M.: Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia, 2016. – 108 p. (In Russ.)

2. Alekseeva, T.A. (2000) Sovremennye politicheskie teorii [Modern Political Theories]. – M.: «Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia» (ROSSPEN). – 479 p. (In Russ.)

3. Belokonev, S.Iu., Titov, V.V. (2019) Natsional'no–gosudarstvennaia i religioznaia identichnost': patterny vzaimodeistviia v sovremennom mire [National–state and religious identity: patterns of interaction in the modern world] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – T. 14. – № 2. – P. 144–155. (In Russ.)

4. Borgoiakova, T.V. (2009) Rossiiskii i zarubezhnyi opyt sokhraneniia istoriko–kul'turnogo naslediia [Russian and foreign experience in preserving historical and cultural heritage] // Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii FS RF. Seriia: Osnovnye problemy sotsial'nogo razvitiia Rossii [Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Series: Main Problems of the Social Development of Russia]. – № 5 (372). – P. 56–75. (In Russ.)

5. Davliev, I.G., Valeev, R.M. (2015) Sistema sokhraneniia ob"ektov kul'turnogo naslediia v Anglii [The system of conservation of cultural heritage in England] // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts]. – №2–1. – P. 32–36. (In Russ.)

6. Kozel, K. (2017) Ideologiia okhrany pamiatnikov istorii: kriticheskii analiz struktury diskursa sovremennoi politiki istoricheskogo naslediia [The ideology of the protection of historical monuments: a critical analysis of the structure of the discourse of modern politics of historical heritage] // Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture [An untouchable reserve: politics and culture debate]. – № 4 (114). – P. 172–187. (In Russ.)

7. Litvinova, O.G. (2010) Zarubezhnyi i otechestvennyi opyt sokhraneniia istoriko–kul'turnogo naslediia v kontse XX – nachale XXI veka [Foreign and native experience of preservation of historical and cultural heritage in the late XX – early XXI century] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno–stroitel'nogo universiteta [Journal of Construction and Architecture]. – № 4. – P. 46–62. (In Russ.)

8. Muzychuk, V.Iu. (2013) Natsional'nye loterei kak dopolnitel'nyi istochnik finansirovaniia kul'tury [National lotteries as an additional source of financing culture] // Spravochnik rukovoditelia uchrezhdeniia kul'tury [Directory of the head of a cultural institution]. – № 7. – P. 33–41. (In Russ.)

9. Palii, K.R. (2018) Realizatsiia politiki v oblasti sokhraneniia material'nykh ob"ektov kul'turnogo naslediia: evropeiskii opyt [Implementation of the policy in the field of conservation of physical cultural heritage: European experience] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Administrative Consulting]. – № 12. – P. 142–153. (In Russ.)

10.Pozhidaev, A.S. (2017) Okhrana ob"ektov istoriko–kul'turnogo naslediia: mekhanizmy i formy vzaimodeistviia [Protection of historical and cultural heritage: the mechanisms and forms of interaction] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia [Journal of Public and Municipal Administration]. – № 2. – P. 43–46. (In Russ.)

11.Tiurin, E.A. (2017) Vliianie britanskoi imperskoi gosudarstvennosti na shotlandskuiu natsional'nuiu identichnost': k voprosu o nezavisimosti Shotlandii [The Impact of British Imperial Statehood on Scottish National Identity: The Question of Scottish Independence] // Vlast' [The Power]. – № 8. – P. 178–182. (In Russ.)

12.Chepaitene, R. (2010) Kul'turnoe nasledie v global'nom mire [Cultural Heritage in a Global World]. – Vil'nius: EGU. – 298 p. (In Russ.)